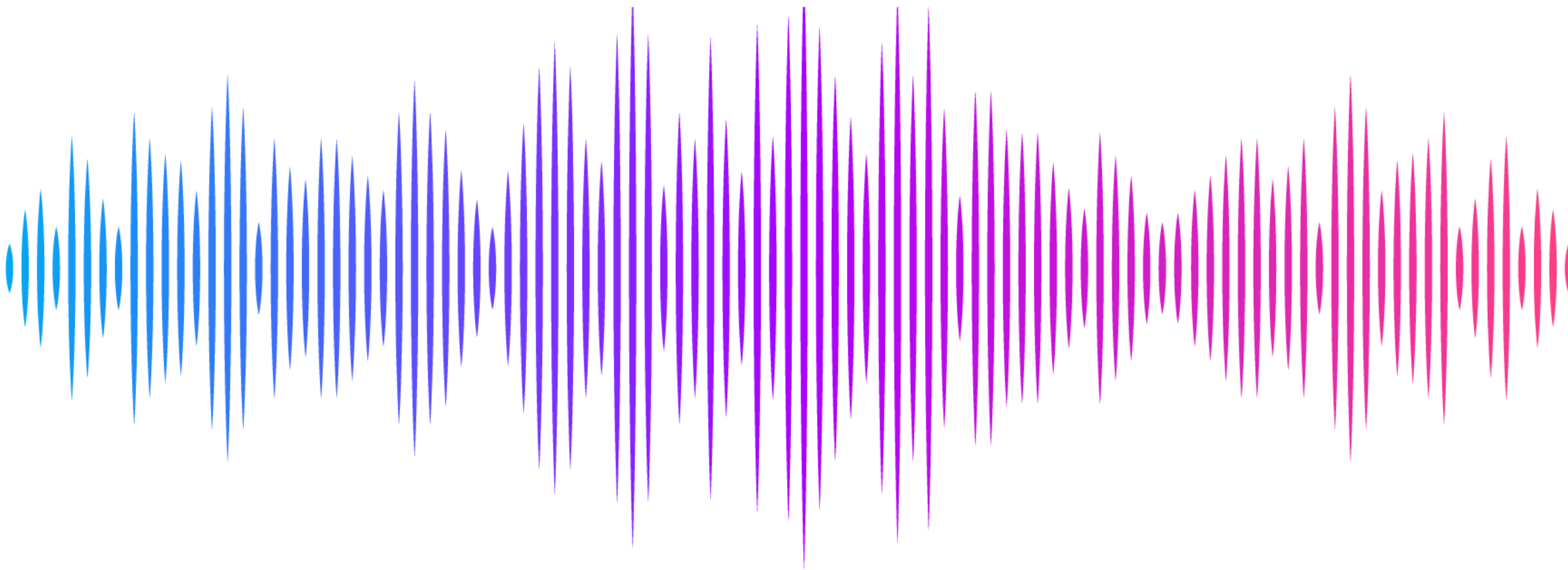

**Изучение поэтической фонетики
точными методами. Фоника верлибра.**

Гипотеза 1

Существует **внешний** и **внутренний** уровни организации фоники поэтического текста. Поэт **сознательно** с помощью различных средств – аллитераций, ассонансов, звуковых повторов, ономатопеи, анаграмм – организовывает внешний уровень текста. Общая же картина поэтической фоники текста автору не подвластна, она складывается **подспудно**, и ее поэту диктует язык. Статистические методы позволяют обнаружить именно такие **глубинные** фонологические процессы.

Гипотеза 2

Верлибр актуализирует конструктивные возможности фоники поэтического текста: фоника свободного может быть рассмотрена как своего рода «рамка», сообщающая стихам определенную **степень заданности**, каковую предполагают метр, рифма или строфа.

Критерий согласия χ^2 (критерий Пирсона) основывается на сравнении наблюдаемых и ожидаемых (альтернативных) встречаемостей дискретных случайных величин, которыми в нашем случае являются частоты встречаемости фонем.

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^K \frac{(x_i - p_i)^2}{p_i}$$

K – число фонем в тексте = 41,

i – номер исследуемой фонемы,

x_i – наблюдаемая встречаемость *i*-й фонемы в исследуемом тексте,

p_i – ее ожидаемая встречаемость на 1000 символов прозаического текста.

Фонемы, χ^2 которых превосходит данную величину, встречаются в тексте статистически значимо чаще или реже, чем в среднем в русской речи.

В соответствии с этим мы получаем фонемы **частые, редкие и нейтральные**.

Закономерности:

а) фоническая изобразительность

(эвфония как компенсационная структура; освобожденный от метрических и рифменных «обязательств» текст стремится подчеркнуть свою принадлежность к стиху путем форсирования фоники).

АЛЕКСАНДР БЛОК

«сознательные» звуковые повторы:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовнёй.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух "Макбета".

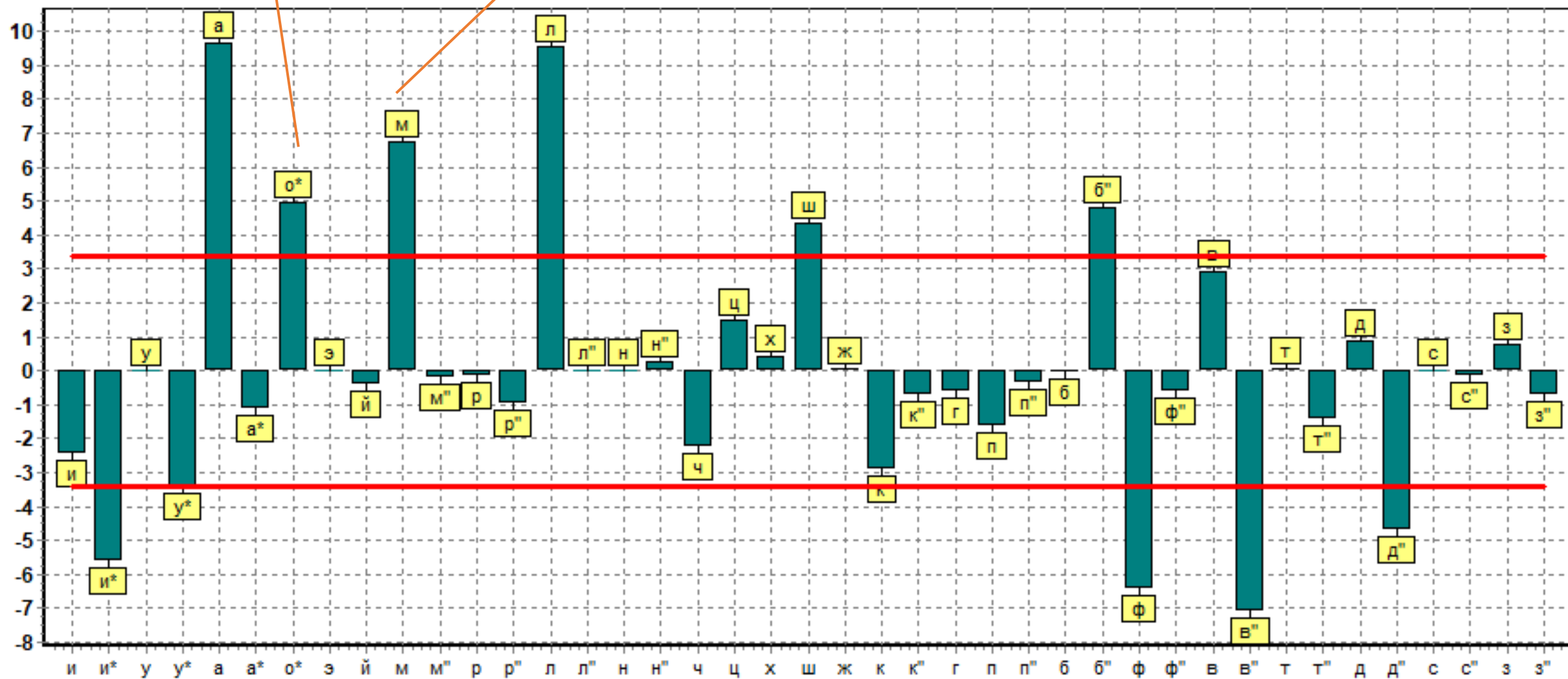
Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пёстрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

грамматически обусловленные
фонические доминанты (вокализм)

выразительные фонические
доминанты (консонантизм)

Фонема

л

Дальность поиска

3

Полная пара

автоматизированный поиск звуковых повторов
с участием фонических доминант

Вся статистика совпадений

Л - 17
А - 16
Н - 15
И - 14

А	Б	В
Г	Д	Е
Ё	Ж	З
И	Й	К
Л	М	Н
О	П	Р
С	Т	У
Ф	Х	Ц
Ч	Ш	Щ
Ь	Ы	Ъ
Э	Ю	Я

Текст для анализа

Она пришла с мороза,
раскрасневшаяся,
наполнила комнату
ароматом воздуха и духов,
звонким голосом
и совсем неуважительной к занятиям
болтовнёй.
Она немедленно уронила на пол
толстый том художественного журнала,
и сейчас же стало казаться,
что в моей большой комнате
очень мало места.
Всё это было немножко досадно
и довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
чтобы я читал ей вслух «Макбета».
Едва дойдя до пузырей земли,
о которых я не могу говорить без волнения,
я заметил, что она тоже волнуется
и внимательно смотрит в окно.
Оказалось, что большой пёстрый кот
с трудом лепится по краю крыши,
подстерегая целующихся голубей.
Я рассердился больше всего на то,
что целовались не мы, а голуби,
и что прошли времена Паоло и Франчески.

Показать результат

<НЛМ>

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовнёй.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух "Макбета".

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пёстрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Закономерности:

б) относительно фиксированное распределение фонем в стихе

(верлибр по-своему «помнит» о рифме, вынося ближе к правому краю стиха лексику, маркированную общим консонантизмом, либо же стремится придать дополнительную синтагматическую связность каждому стиху путем вокалических и консонантных повторов)

Ольга Седакова «Письмо»

<...> Теперь, быть может, они Вас встречают, **Доналд:**
как же они не встретят того, кто так им поверил,
Серафим и Преподдобный и те, с Колымы и **Магадана,**
чьи имена неизвестны и чьи лица,
как Вы говорили,
сложатся в лик Святого **Духа** <...>

Иосиф Бродский «Памяти Феде Добровольского»

Мы́ продолжа́ем жи́ть.

<и> – <a> – <и>

Мы чита́ем или пи́шем стихи́.

<a> – <и> – <и>

Мы разгля́дываем краси́вых же́нщин,

<a> – <и> – <э>

улыба́ющихся ми́ру с облóжки

<a> – <и> – <о>

иллюстри́рованных журна́лов.

<и> – <a>

Закономерности:

в) создание «потенциальной анаграмматической ситуации»

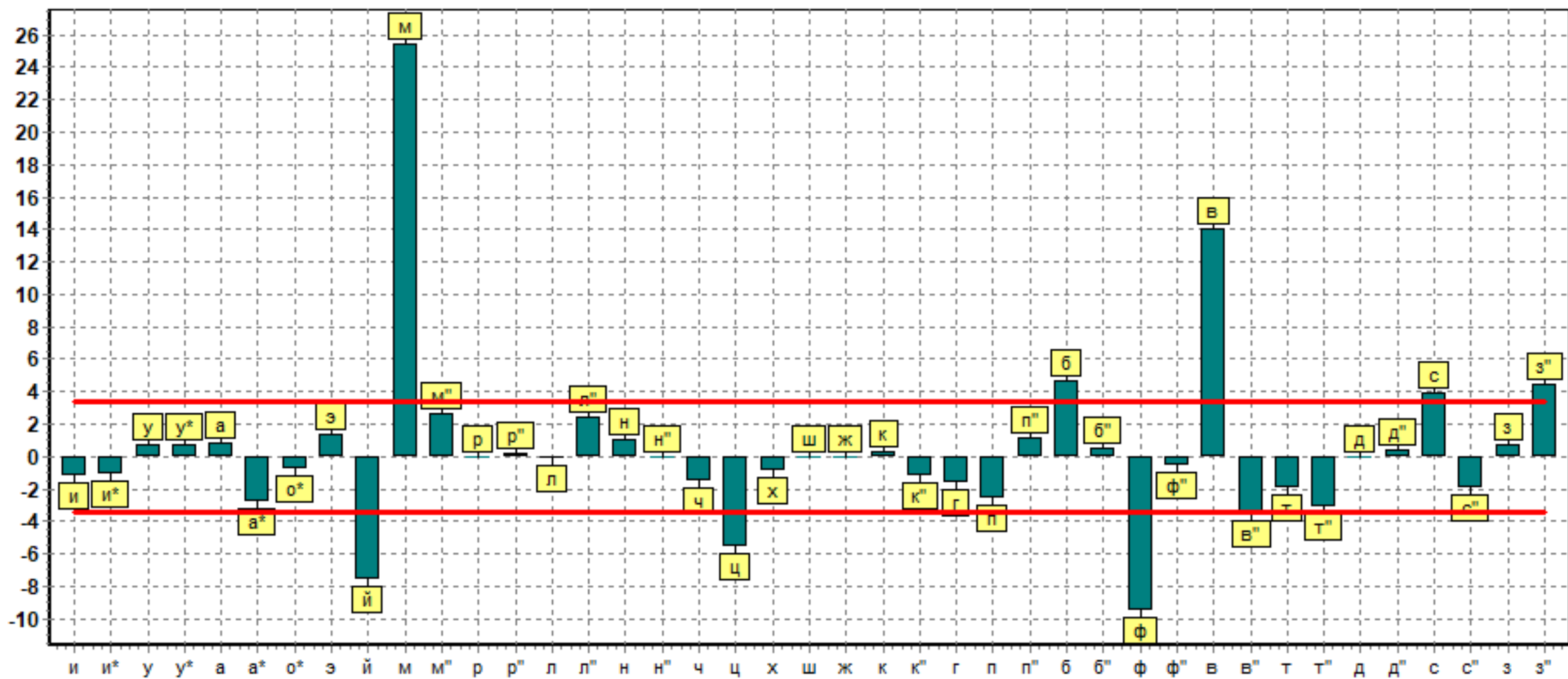
(фонический образ важного для стихотворения слова часто проецируется на его ближайшее окружение, которое, таким образом, дает этому слову своего рода «толкование»).

Максим Амелин

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕДА

Мой дед,
капитан Максим Амелин,
командиром тяжёлого бомбардировщика
был во время войны,
немало вражьих танков
покорёжил и сплющил с воздуха
на Курской дуге,
небо Восточной Европы
хорошенько за два года исследовал,
смерть и жизнь
нося в самолётном чреве,
семена разрушения и созидания,
а затем,
по взятии Берлина,
его в темпе вальса перебросили
на Дальний Восток,
к мутным Амурским волнам
и затуманенным сопкам Маньчжурии, –

там-то с ним
судьба и сыграла в рулетку,
то ли в русскую, то ли в американскую:
в один из дней,
отбомбившись, на базу
возвращался сквозь хмарь и непогоду,
видимость – ноль,
и летучая крепость
в сопку, сумраком занавешенную, врезалась
на полном ходу, –
грозная машина – всмятку,
все, кто был на борту, не минули гибели,
и только дед
выжил каким-то чудом,
отделавшись переломами и сложной контузией.
Больше он не летал –
списали на землю, а в небо,
чтобы не вспоминать, и не посматривал.

Военная история моего деда

Мой дед,
капитан Максим Амелин,
командиром тяжёлого бомбардировщика
был во время войны,
немало вражьих танков
покорёжил и сплющил с воздуха
на Курской дуге,
небо Восточной Европы
хорошенько за два года исследовал,
смерть и жизнь
нося в самолётном чреве,
семена разрушения и созидания,
а затем,
по взятии Берлина,
его в темпе вальса перебросили
на Дальний Восток,
к мутным Амурским волнам
и затуманенным сопкам Маньчжурии, –

там-то с ним
судьба и сыграла в рулетку,
то ли в русскую, то ли в американскую:
в один из дней,
отбомбившись, на базу
возвращался сквозь хмарь и непогоду,
видимость – ноль,
и летучая крепость
в сопку, сумраком занавешенную, врезалась
на полном ходу, –
грозная машина – всмятку,
все, кто был на борту, не минули гибели,
и только дед
выжил каким-то чудом,
отделавшись переломами и сложной контузией.
Больше он не летал –
списали на землю, а в небо,
чтобы не вспоминать, и не поглядывал.

Эти наблюдения приложимы и к регулярным стихам; важно то, что фоника, будучи освобождённой от метрических и рифменных ограничений, **сохраняется в верлибре как один из важнейших признаков поэтической речи.** Всё это корректирует представление о «свободе» свободного стиха, а также открывает перспективу создания фонической типологии русского верлибра.